

Мимоходом лишь подумаем о славе, но ни пальцем для нее не шевельнем

РАКУРС

Наталья БОГАТЫРЕВА

- Юрий Евгеньевич, вы принадлежите к замечательной плеяде выпускников Московского педагогического института им. Ленина, который в народе называли "поющим". Под его сводами рождалась авторская песня, у истоков которой стояли Юрий Визбор, Ада Якушева, Юлий Ким, Борис Вахнюк, Вадим Егоров. Здесь учились люди, чьи имена сегодня широко известны: поэт Илья Габай, режиссер Петр Фоменко, писатели Юрий Коваль и Виталий Коржилов... Чем объяснить такое количество талантливых людей в стенах одного вуза?

— Отчасти это объясняется, наверное, тем, что и Визбор, и Фоменко, и Ким, и многие другие, в том числе и я, носили в сердце боль, не знакомую другим: мы были дети репрессированных, и дорога в университет и большинство вузов была для нас закрыта...

Сажали тогда в первую очередь людей неординарных, и, конечно, что-то передавалось от отцов. МГПИ для всех нас составлял важнейшую часть жизни. Мы приходили туда рано утром и уходили поздно ночью. Во времена, когда нигде невозможно было проявить себя (только что умер Сталин), мы сумели создать студенческую республику, где царил атмосфера бесконечных розыгрышей и веселья. Центром институтской жизни была туристическая секция, где, собственно, и было положено начало песенной традиции МГПИ: именно здесь написал свои первые песни Визбор. В литературном объединении занимались Юрий Коваль и Юлий Ким, поражавшие смелостью своих литературных опытов и неказенностью слова. Стихи и Юрия Визбора, и Юлика Кима были про нас, а не про того среднеарифметического, искусственно выведенного человека, которого воспевало официальное искусство.

И Визбор, и Коваль были неистощимы на розыгрыши и выдумки. Они вместе с Домб-

Сегодня имя Юрия Ряшенцева хорошо известно всем, кто увлечен поэзией, театром, кто любит музыку. Шлягерами стали песни на его стихи, прозвучавшие в фильмах "Три мушкетера", "Гардемарины, вперед!", "Рецепт ее молодости", "Остров погибших кораблей", "Забятая мелодия для флейты", "Аргонавты". Спектакль "История лошади" с музыкальными номерами Юрия Ряшенцева многослет собирал полный зал ленинградского БДТ, был поставлен во многих странах мира, это единственный наш спектакль, который шел на Бродвее. А как же все начиналось?

ровским и Коринцом организовали Клуб Юриев Иосифовичей. Проводили, как и положено, заседания клуба - в ресторане... Однажды Визбор опоздал и появился с каким-то незнакомым человеком. "Это водитель такси, который меня вез. Он тоже Юрий Иосифович - я прочелна визитке. Прошу принять его в наш клуб". Конечно, его тут же приняли. Коваль мастерски пел одну песню, "Когда мне было лет семнадцать...". После строк "Ко мне подходит паренек бравый..." он имел обыкновение добавлять имя кого-нибудь из присутствующих. Как-то раз Юра исполнил свой коронный номер в присутствии Слуцкого. И, пропев "Ко мне подходит паренек бравый", он неожиданно для самого себя добавил: "Борька Слуцкий". Я в ужасе оглянулся на мэтра, который не терпел никакой фамильярности. Он одобительно качал головой, дескать, понравилось... Это была талантливая жизнь талантливых людей.

- Юрий Евгеньевич, как вы пришли в музыкальную драматургию?

— Меня вовлек в это дело Петя Фоменко, который когда-то делал спектакль по пьесе Константина Финна "Беспокойное наследство". Фоменко решил со свойственным ему авантюризмом потихоньку от автора вывести на сцену персонаж, отсутствующий в пьесе. Текст должен был быть написан стихами, чем мы и занимались. Помните, автор был очень удивлен на премьере. А постоянно занимаюсь музыкальной драматургией с 72-го года, когда Марк Розовский предложил мне сделать зонги к спектаклю "Бедная Лиза".

- Широкая известность к

вам пришла после появления "Трех мушкетеров". Как они создавались?

— Мы имели уже за спиной "Бедную Лизу", когда Сандро Товстоногов, сын Георгия Александровича Товстоногова, предложил нам с Марком Розовским сделать мюзикл по "Трем мушкетерам". Это был моднейший спектакль, вся Москва на него рвалась, а Володя Качан, игравший Д'Артаньяна, был первым человеком! Фильм вышел позднее, и, честно говоря, мне он не понравился. Я даже судился с телевидением по поводу этого фильма. Его создатели заменили без моего ведома ироническое решение образа миледи мелодраматическим и сами сочинили песню, в которой были чудовищные слова: "Я провинилась красотой, я провинилась чистотой", каких я в жизни не мог написать. У нас была смешная песня миледи: "Я с самого детства обожаю злодейства. Нет выше звания, чем творить злодеяния". Мне же приписали чужие строки... Кстати, я это дело выиграл: авторы фильма обязали убрать написанную ими песню. А вообще-то создание текстов песен для мюзиклов - для меня работа побочная. Главное - это стихи, которые знают, правда, только любители. Вот за прошедшее лето написал книгу поэм "Любовные долги".

- Где она будет издаваться?

— Да где ее издашь? Государственные издательства стихов практически не выпускают. А в частных за свой счет печататься не буду: я профессионал. Не хочу ходить и просить: "Я написал книгу из семи поэм. Издайте, пожалуйста..." Не мастер я пробивать собственные про-

фото Б. ДВОЙНИКОВА

изведения. Лучше сяду восьмью позму напишу.

- Да-а, вы непробивной человек...

— Рекордно непробивной. Моя последняя книга вышла в 88-м году, а дома завалы написанного. У меня есть строки: "Мимоходом лишь подумаем о славе, но ни пальцем для нее не шевельнем". Я этому следовал всю жизнь, теперь уж поздно меняться.

- Помимо стихов, песен, вы пишете и прозу.

— Я считаю, что у меня есть четыре прозаические вещи: "В Маковниках и больше нигде" - о Хамовниках, где прожил почти всю жизнь, повесть "Крысы нашего двора", рассказ "На дикий пляж Сары-Гол", который нигде не печатался, и повесть "Шведка, щёчка и пыр", якобы о дворежном футболе, а на самом деле о детском дворежном романе, напечатанная... в альманахе "Футбол".

- Но, согласитесь, это все-таки доля души, на хлеб таким образом не заработаете. Как выживаете в такое нелегкое время?

— Выживаю, конечно, благодаря мюзиклам. Нас, работающих в этой области, не так уж много: Юлий Ким, Юра Энтин, Паша Грушко, Асар Эппель, Леша Дидуров, Митя Сухарев...

- Ощущаете их как своих конкурентов?

— Нет, мы все дружны. Более того, у нас существует своеобразное неформальное объединение - гильдия мастеров этого жанра. Мы всегда готовы прийти друг к другу на помощь.

- Сейчас есть какие-нибудь предложения?

— Да я отбиваться не успеваю! Недавно звонили из Театра на Малой Бронной с предложением помочь в создании спектакля по одной американской пьесе - пока не буду говорить, какой. Спектакль будет ставить Лева Дуров. Ряд телевизионных работ зрители увидели в новогодние праздники. В театре "Русский Глобус" Александра Яцко мы с Сергеем Никитиным

занимаемся подготовкой спектакля с моими вольными переводами из Франсуа Вийона. В проекте работа в кино: замечательной командой: Григорий Горин, Женя Гинзбург, Коля Караченцов. Но на осуществление этой идеи нужны деньги, поэтому пока судьба картины неясна... Уже довольно давно вместе с Эдуардом Артемьевым и Андреем Кончаловским работаем над оперой "Раскольников"... Планов очень много.

- Вы как автор часто присутствуете на записи своих песен. Бывают при этом курьезы?

— Помню, записывался Джигарханян (а он иронически относится к собственному исполнению). Напел, потом пошел в рубку посмотреть, что получилось. Склонил ухо, послушал и сказал: "На долгоиграющую - и в слаборазвитые страны!" Много запоминающихся эпизодов с Гурченко связано. Работа с ней - сплошные неожиданности, с Людмилой Марковной не соскучишься! Мы делали "Рецепт ее молодости". Тексты песен уже были готовы, когда я подарил Людмиле свою книжку. Подарил утром, а вечером она вдруг звонит: "У Вас книжка с собой? Откройте 83-ю страницу! Вот эти стихи мне нужны. Я их в номер свой введу!" Я в ужасе: "Но ведь все номера уже готовы, а запись завтра!" Она переходит на "ты": "Нет-нет, ты гений, ты все сделаешь!" Я исхитрился как-то, сделал все, как она просила, пришел на "Мосфильм" в предвкушении удовольствия от записи, и вдруг появляется Гурченко: "Знаешь, что я придумала? Я в финале к каждому из персонажей буду обращаться не в своей мелодии, а в его собственной!" И мне пришлось семь номеров спешно переделывать. Пока она пела первое, я сочинял второе... Зато, отойдя наконец от микрофона, Гурченко зааплодировала: "Браво, Ряшенцев!" И аплодисменты эти - одна из самых больших для меня награда.